

Андрей Мажоров

ПэСэА

или

Последний синдром аденомщика

Андрей Мажоров
ПэСэА, или Последний
синдром аденомщика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797127
ISBN 9785447433109*

Аннотация

Тонкая в своей лиричности и иронии, но ставящая перед читателем жесткие вопросы пьеса-фантасмагория о неизлечимой болезни многих – злокачественной опухоли души. Лень или алчность, упрямство или праздность, подобно метастазам, год за годом убивают искру таланта, которая когда-то сияла в каждом из них. И даже «хирургическое» вмешательство высших сил, давших второй шанс, не гарантирует выздоровления.

Содержание

Пролог	6
Действие первое	9
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ПэСэА, или Последний синдром аденомщика Драма в 5 действиях с прологом и эпилогом Андрей Мажоров

© Андрей Мажоров, 2016

© Дмитрий Мажоров, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Сергеевич К у з н е ц о в – бывший крупный начальник, 57 лет

Дарья Константиновна К у з н е ц о в а,

она же Джемма Д о н а т и¹ – его жена, 55 лет

Р и т а – их дочь, 29 лет

П а в л и к из Хабаровска – их зять, блогер, 30 лет

Б е а т а,

она же Биче П о р т и н а р е² – подруга М.К.Кузнецовой,
55 лет

Доктор З а д о р н о в,

он же Г л а в б а л а х о н,

он же М и н о с³ – онкоуролог, 65 лет

П а н к р а т о в,

он же Н а ч м е д,

он же К е р б е р⁴ – пенсионер, 75 лет

А р н о л ь д Б у д е т е,

он же 1-й Б а л а х о н – поэт и драматург, 35 лет

Л я к и н,

он же 2-й Б а л а х о н – молодой человек без определенных занятий, 32 года

М е д с е с т р а,

она же Б л у д н и ц а Вавилонская,

она же Л и ц и с к а⁵ – эффектная женщина, 38 лет

В эпизодах: дед-ветеран (отец Кузнецова), врач-реаниматолог, 1-й санитар, 2-й санитар, Страшный голос, двойник Кузнецова, балахоны-коллекторы, артисты Театра кукол со своими питомцами.

Песня «Помолись за меня» в исполнении автора: [битая ссылка] <http://www.mazhorov.com/?p=891>

Пролог

В полутемном зрительном зале появляются странные люди в черных балахонах и капюшонах, надвинутых на лица. В руках у них зажженные старинные фонари. С гиканьем, уханьем и свистом они бегают по проходам, то и дело останавливаясь у отдельных посетителей, бесцеремонно их освещая. «Где Кузнецов?», «А, так это ты – Кузнецов?», «Кузнецов, выходи!», «Найдем все равно!», «Где ты засел?», «Кузнецо-о-ов!» – кричат они наглыми и грубыми голосами. Так и не отыскав Кузнецова, балахоны собираются на сцене у опущенного занавеса. Начинается короткое производственное совещание.

- Нет его нигде.
- И никаких следов.
- Позор, господа. Уволят.
- Беготня с фонарями – вот где позор. Навигаторы нужны.
- Век-то здесь какой?
- Двадцать первый от Рождества Христова.
- Ну, так чего они хотят...
- Посылал я заявку в хозчасть... Говорят: берите, что есть, а то и светильники растащат.
- Средневековье...
- А оружие? На складе одни алебарды стоят. И багры ржа-

вые.

– Для России маловато.

– Так мы в России?

– Ну, а где, по-твоему?

– Н-да... Тогда я что-то не понял с суточными...

– Сидят, планы чертят. Стратеги. А ты бегай, как дурак, с фонарем среди бела дня. Людей смехи.

– Главное, отгула потом не допросишься. Не говоря что премии.

– Ориентировка тоже дурацкая. Таких, как этот Кузнецов, – бездна. (Кивает на зал.) Вон, сидят. Хихикают.

– Ладно, давайте сначала. Дома его нет?

– И телефон не отвечает.

– На даче?

– Там крапива одна. (Показывает.) Вон, руки пожег по локти. (Виновато.) Смородина у них сладкая...

– Ну, я не знаю тогда... У любовницы были?

– Нет у него никакой любовницы. Одни мечты.

– Какой-то идиот, прости, Господи...

– Я даже на бывшей работе справлялся.

– И что?

– Не приведи Бог, говорят, снова его увидеть.

– Господа, но если следов нет здесь и сейчас, они могут быть только там и тогда.

– Логично.

– Придется восстанавливать цепь событий. Что-нибудь, да

всплывет.

– В прошлое лететь, что ли?

– Хотя бы на год назад.

– Сметой не предусмотрено. Бубну выбьют.

– Дня на три, больше разговоров...

– Ты еще титр по экрану пусти, как в американском сериале: «a year earlier».

– Да пожалуйста. (Взмахивает рукавом балахона и соответствующая надпись появляется на занавесе.)

– Ну, допустим. А как вся эта байда начиналась, кто помнит?

– Кажется, была пятница. Верняк, пятница! Мы после работы к Лициске собирались...

– А место действия?

– Ну, как же – онкологический диспансер... Где же еще.

Второй этаж, кабинет 231.

– Очередь на прием к урологу.

– Точно, точно... Припоминаю. Ну, так что? Поехали?

Свет гаснет, балахоны исчезают. Поднимается занавес.

Действие первое

На сцене – фрагмент коридора перед смотровым кабинетом. На двери висит табличка – «Уролог. Доктор медицинских наук М. А. Задорнов». Над дверью – круглые часы и сигнальный плафон для вызова больных. Сидя на железных стульях, приема ожидают четверо мужчин. Они подавленно молчат. Б у д е т е, лохматый субъект в круглых очках, уткнулся в газету. В ногах у него – целлофановый пакет. Л я к и н, коротко стриженный, в футболке с надписью «Ненавижу работу», грызет ноготь. В ногах у него стоит спортивная сумка с привязанной георгиевской ленточкой. К у з н е ц о в, одетый в обыкновенную рубашку и джинсы, сидит со скрещенными на груди руками и делает вид, что дремлет. Только старик П а н к р а т о в, увешанный медалями и орденами, беспокойно крутится на стуле, поглядывая на соседей. Он вздыхает, покашливает, что-то невнятно бормочет. Неожиданно начинает ощупывать сетчатую поверхность стула у себя между ног.

П а н к р а т о в. Следы какие-то. Не моют их, что ли?

Л я к и н. Чего не моют?

П а н к р а т о в. Пятна, я говорю, на стуле. Гляди. Засохши... Кровь никак? Или моча? (Круглыми глазами смотрит на Л я к и н а.) Протек кто-то.

Л я к и н. Копец. (Смотрит у себя, вскакивает.) Ё-ё!
И у меня... (Трогает пальцем пятна.)

П а н к р а т о в. Не отскоблишь. Въелись за стоко лет.
Ядрены...

Б у д е т е, немедленно изучив свое сиденье, складывает газету и стелет ее под себя. Потом достает из пакета книгу и принимается ее читать. К у з н е ц о в, слегка пошевелившись, продолжает делать дремотный вид. Л я к и н осторожно садится на самый край стула.

П а н к р а т о в. Скока же здесь мушшин перебивало...
Как, все равно, перед казнию.

Молчание. П а н к р а т о в ненадолго затихает, потом вдруг сильно хлопает себя по коленям.

П а н к р а т о в. Нет, что ни говори, а самое страшное в жизни – смерть!

Л я к и н и К у з н е ц о в (почти хором). Дед, твою мать!
Б у д е т е. В сущности, боятся смерти не следует. Никакой смерти вообще нет.

К у з н е ц о в. Тьфу!

П а н к р а т о в. Это как это – «нет»? Как это «нет», когда – р-раз! И ку-ку.

Б у д е т е. Никакого «ку-ку». Человек, когда умер, этого

сам осознать никак не может. Правильно? А то, что не осознаваемо, то не существует.

Л я к и н. К, роче, когда, по ходу, сознавать-то уже нечем.

К у з н е ц о в. Чер-рт...

Б у д е т е. Называется – субъективный идеализм. Философское течение.

В коридоре появляется дед-ветеран с палкой и многочисленными наградами. При его появлении Кузнцов как-то странно настораживается, даже привстает с места, но, взглядевшись, быстро успокаивается. Дед еле-еле передвигается, его под руку поддерживает Медесетра с весьма выдающимися формами. Оба направляются к двери кабинета. Провожая их глазами, Панкратов развивает мысль, засунув ладони себе под ляжки.

П а н к р а т о в. Не знаю... Я столько за свою жись перезахоронил, что на роту наберется. Смерти нет... Вот, к примеру, мой сосед – Вяземский, Александр Петрович. Да неделя тому всего! Жил хорошо. Богато. Был он, вроде как... по снабжению. Утром на кухню пошел, чайку попить. И упал. Рухнул, можно сказать. Жена – в крик! Скорая, то, сё. Не откачали. Главное – ни с того, ни с сего. Пошел на кухню, а попал в вечность.

Л я к и н. Вн, запная смерть как бы.

К у з н е ц о в. У вас что? Тем других нет? Для беседы?

Б у д е т е. И вечности никакой нет. Смерть – это и вечность, и мгновение одновременно. Умерший уже не может осознать эти категории. Значит, он не умер. Вечность стала секундой. И наоборот.

П а н к р а т о в. Выходит, если не помер, значит – живой. Так получается?

Б у д е т е (проводит пальцем по книжной строчке). Смотрите-ка, прямо по теме: «Я не был мертв, и жив я не был тоже». (Поясняет.) Данте. Божественная комедия.

К у з н е ц о в (впервые взглянув на Б у д е т е с интересом). Все-таки здесь надо определиться. Здесь, насколько я помню, просто фигура речи. Софизм у вас выскочил, уважаемый. (Б у д е т е пожимает плечами.)

Л я к и н (осторожно). Диалектика, ёптыть...

Молчание.

П а н к р а т о в. Если не живой и не мертвый, то... как? А какой тада?

К у з н е ц о в. Черт! Черт!

П а н к р а т о в. Да ладно – «черт»... (Отворачивается.) Слова им не скажи...

Л я к и н. Выпить бы, дедушка.

П а н к р а т о в (оживившись). А есть?

Дверь кабинета открывается, высовывается М е д с е с т р а.

М е д с е с т р а. Будете?

В с е (хором). А как же!

М е д с е с т р а выходит в коридор.

М е д с е с т р а (довольно). Бугай.

Б у д е т е. Это я. (Встает.) Будете, Арнольд. Это я.

М е д с е с т р а. Так вы будете Будете?

Л я к и н. Мы тоже будем-будем!

М е д с е с т р а. Почему на ПСА⁶ не сдал?

Б у д е т е. Сдал. Просили передать. Я забыл. Вот. (Протягивает бумажку.)

М е д с е с т р а. Кузнецов есть?

К у з н е ц о в. Здесь. (Встает.)

М е д с е с т р а. Первым пойдете.

К у з н е ц о в (упавшим голосом). Почему... первым?

М е д с е с т р а (загадочно). Скажут. (Уходит в кабинет.)

Молчание.

П а н к р а т о в. «Первым пойдете». Слыхали? (В сторону двери.) А тут, между прочим, ветеран войны и труда. С инвалидностью! Первым я пойду. Идите вы все!

Л я к и н. Первым вообще-то я пришел. Тут еще и не было никого. Вы, ветераны, д, вайте, конкретно, как-нибудь через одного!

П а н к р а т о в. Конечно, какие теперь ветераны! Какие теперь заслуги! Когда кругом – одна голая коррупция.

Л я к и н. Отец, мы так до ночи просидим!

П а н к р а т о в. Лаврентия на вас нет!

К у з н е ц о в (прокашлявшись). Товарищи, я не виноват. Они сами назначили.

П а н к р а т о в. «Товарищи»... Это когда было, «товарищи»... Сидит заслуженный ветеран, с наградами. Со второй, понимаешь, группой... Нет – пошептались, посюсюкали, «вась-вась» сделали – и «первым пойдете»! Я к заведующему сейчас! Порядочки...

П а н к р а т о в встает и демонстративно занимает позицию у двери.

К у з н е ц о в (мрачно). Да мне вообще без разницы. Сами разбирайтесь.

Молчание.

К у з н е ц о в (обращаясь к остальным за поддержкой). Вы же сами видели. Чего он завелся?

Л я к и н. Слышь, дед...

Молчание.

Л я к и н. Ветеран! Уснул, что ли?

П а н к р а т о в. Да что с вами разговаривать...

Л я к и н. Сейчас такие специальные подушечки продаются. Взял бы, да и купил.

П а н к р а т о в. Чего ты?

Л я к и н. Для значков. Ну, зачем ты всю свою коллекцию на клифт нацепил?

П а н к р а т о в. Чего?

Л я к и н. «Чего-чего»... Вредно такие тяжести таскать. Тебя аж перекосило.

П а н к р а т о в (отваливается от двери и нависает над Л я к и н ы м). Да что ты понимаешь, тля сопливая! Я эти ордена кровью заслужил! Когда ты еще титьку сосал!

Л я к и н. Да ладно. Какие ордена? (Приглядывается к наградам.) «Почетный донор», что ли? Ну, это да. Тогда да – кровью.

П а н к р а т о в (трясаясь). Да я таких, как ты... Раньше имел один раз, а потом выбрасывал!

Л я к и н (удивленно). Классный базар. Спиши слова!

П а н к р а т о в. Я те сейчас запишу! Я те так пропишу, своих не узнаешь!

Л я к и н (встает). Да что ты разорался-то? Шуток не понимаешь?

Б у д е т е (занимает позицию между сторонами, примирительно, П а н к р а т о в у). Конечно, вы первым пойдете. По старшинству и по заслугам. (Л я к и н у.) Потом вы, раз первым пришли. Потом первым пойдет... вот, господин Кузнецов. Как было объявлено. Ну, а я замкну шествие. Первым от конца. (К у з н е ц о в у.) Не возражаете, уважаемый?

К у з н е ц о в. Повторяю еще раз – мне совершенно безразлично.

Б у д е т е (П а н к р а т о в у). А вы бы сели. Похоже, тут... надолго.

П а н к р а т о в, что-то бормоча, возвращается на свое место. Л я к и н тоже садится.

Л я к и н. Всех помирил. Будете, а ты кем... будете?

Из прибалтов, что ли? Добрый такой.

Б у д е т е. Между прочим, этимология моей фамилии имеет славянские корни. Я смотрел в Википедии. Я – белорус. Предки мои – из Белоруссии.

П а н к р а т о в. Все вы теперь – из Белоруссии.

Л я к и н. Теперь – да.

К у з н е ц о в. И чешут языками, и чешут. Какая разница, кто тут откуда? Здесь все равны. Как, понимаешь, перед Господом Богом.

Б у д е т е. О да.

П а н к р а т о в. В хипипедии он смотрел. Хипипед. Меня вот никто не спросит, сдавал я чего, не сдавал... А всякая сопля в рожу тычет.

Л я к и н. Слушай, дед, осади ходули...

П а н к р а т о в. Чего-о?

К у з н е ц о в (поспешно). У него ПСА запросили. Может, у него анализ плохой. Какие у вас там цифры, Арнольд?

Б у д е т е. Не помню. Кажется, около семи. С чем-то.

К у з н е ц о в. У-у... Тогда понятно.

Л я к и н. А какие надо?

К у з н е ц о в. От нуля до четырех. Если выше – пиши пропало.

Б у д е т е. Что это значит – «пропало»?

К у з н е ц о в. А то и значит. Ку-ку, как вон товарищ говорит. Подозрение, извините, на рак.

П а н к р а т о в. ПСА, ПСА... Именно что – подозрение.

У меня раз вообще было – двенадцать. А ничего, сидю тут еще с вами. (Неожиданно развеселившись.) Тут врач, мужики, работает, – не доктор, а чисто сатирик. У него и фамилия подходящая – Задорнов. Он эту самую ПСА называет «Псаки». Ну, говорит, что нам сегодня отмочила госпожа Псаки, Аденома Простатитовна? Какую нам такую санкцию объявила? Не иначе, товарищ Панкратов, лично вам – химкастрацию.

Л я к и н. Зачем это?

П а н к р а т о в. Шут его знает. Может, отпустит. Ты вот сколько раз за ночь бегаешь?

Л я к и н. А сколько надо?

П а н к р а т о в. Молодой... Я в твои годы про это и не думал. А как женился – тем более. Ты вот – женат, нет?

Л я к и н. А при чем тут это?

П а н к р а т о в. Молодой... Вот и сиди тута. Протекай. Вся резьбу уже, поди, сорвали.

Л я к и н. Ничего мне не сорвали

П а н к р а т о в. Что, не шупали еще?

Л я к и н. Чего не шупали?

П а н к р а т о в. От молодой! Железу, чего еще.

Л я к и н. А как ее... шупают?

Негромкий, но дружный смех. Остальные переглядываются, качают головами.

П а н к р а т о в. Ну, готовься тада. Поставят тебя, салагу, в позу... как бы это сказать... угнетенных народов Африки. И давай... демократию насаждать. Цветную, понимаешь, революцию.

Л я к и н. Веселкин базар...

П а н к р а т о в. Легко не будет. Раз к ним попался. Чем эти ихние втыки терпеть – я Задорнову прошлый год сказал – вырежьте мне ее на хрен, и вся недолга.

К у з н е ц о в. Болезненная операция. Ее, говорят, не вырезают, а вырывают. Прямо через проход. А наркоз – только местный.

Л я к и н. Мама дорогая...

П а н к р а т о в. Раньше, до войны, так и делали. Теперь, вроде, лазером выжигают.

Л я к и н. Ну, и убрал бы ты ее. Чем триндеть тут. Я с твоего базара уже обстремался весь.

П а н к р а т о в. Нельзя. После операции – Задорнов сказал – в течение года наблюдается... как это, ядри его... Полное угасание половой функции.

Л я к и н. А она у тебя, дед, что... Еще не угасла?

П а н к р а т о в. Какое... Нет, ну, конечно, не так, как раньше. Но все-таки... Бабка говорит: пусть уж лучше она у тебя сама как-нибудь погаснет.

За дверью кабинета раздаются невнятный шум и возбужденные голоса. Через мгновение в коридор выскакивает М е

д с е с т р а.

М е д с е с т р а. Один кто-нибудь! Доктору помочь!

Четверо в тревоге и недоумении переглядываются.

М е д с е с т р а. Чего вылупились? Дедушке плохо! Поднять надо!

Г о л о с д о к т о р а (из кабинета, повелительно). В реанимацию, я сказал! Пулей!

М е д с е с т р а. Ой, бегу! Что расселись, как на поминках? Один кто-нибудь!

М е д с е с т р а убегает. Все четверо встают, но в кабинет, неуверенно оглядываясь, проходит только Б у д е т е. П а н к р а т о в тут же подкрадывается к двери, заглядывает внутрь. Остальные окружают его сзади.

П а н к р а т о в. Готово дело. Похоже, преставился.

Г о л о с д о к т о р а. За ноги – и на койку! Да осторожней...

Г о л о с Б у д е т е. Тут лужа. И еще что-то.

Г о л о с д о к т о р а. Не утОните. Ну, взялись! Тихо, тихо, тихо...

П а н к р а т о в (орет). Будете, под коленки бери! Да куда... Под коленки бери, дурья башка!

Г о л о с д о к т о р а. Дверь закрыл!!!

П а н к р а т о в закрывает дверь и на цыпочках возвращается на место. За ним – остальные. Лица у всех скорбные.

П а н к р а т о в. Все, не жилец. Серый весь. Ни кровинки.

К у з н е ц о в. Так что было-то, я не понял?

П а н к р а т о в. «Что было, что было...» Пошел бы, да и помог – «что было». Упал старик. Обкакался и обмочился весь. Тебе-то что?

К у з н е ц о в. На отца моего покойного... издали похож. И умер похоже.

П а н к р а т о в. Значит – дрянь наследственность у тебя. Готовься.

Л я к и н. Ну, все... Теперь по-любому до ночи.

Два санитаря с грохотом вкатывают в коридор каталку. За ними бегут врач-реаниматолог и М е д с е с т р а. Все быстро исчезают в дверях кабинета. Молчание.

К у з н е ц о в. Вот как это можно? В таком возрасте – и один, без сопровождения.

П а н к р а т о в. Выходит – можно! А кому мы нужны? Кому мы нужны? А ты вот – со своим отцом ходил ли?

К у з н е ц о в. Я со своим ходил.

П а н к р а т о в. Да не ври!

К у з н е ц о в. Он у меня вообще на руках умер.

Кузнецов. А я вот один... Один и сдохну где-нибудь. Хоть бы раз позвонил, спросил, тама это, папа – ты как? Добересся один-то? Давай, мол, я тебя сопроводю. Хрен! Дождесся от них. Валяйся потом в собственной луже. Й-ех!

Кузнецов. Сын, что ли?

Панкратов. Машину за мильоны купил, а чтоб отца подвезти, или тама что, – хрен с маслом. Давай, старик, жми через весь город на трамвае. Быстрее окачурился... Глядишь – и площадь освободится. Только и ждет, подлец...

Лякин. А что за тачка?

Панкратов. Не знаю... Как ленд-лиз все равно.

Лякин. «Ленд Ровер»?

Панкратов. Вроде...

Лякин. Вау!

Молчание.

Панкратов. Вот что ты такое сейчас вякнул? Что ты такое сказал, от сохи на время взятый?

Лякин. Весёлкин базар! Да ты, дед, никак сидел?

Кузнецов (Панкратову). Это междометие означает – «ничего себе». Англицизм.

Панкратов. Так и говори – ничего себе! Ты что – не русский? Ты где живешь? Ты что – в Америке живешь?

Лякин. Опять заболело-поехало.

Панкратов. Мяу! Хуяу! Слов у них уже не осталось,

одни звуки. Мы за это на фронтах кровь проливали? Кузнецов, скажи! Вот за эту вот пятую колонну?

Л я к и н. Тебе как раз пять лет было, когда война по ходу кончилась.

П а н к р а т о в. Подсчитал! Гляди-ка, высчитал! Арихмометр! Плохо считаешь! Может, я всю жись воевал! А тебе и знать не положено! Да где тебе знать-то, тля ты эдакая! Вот что это у тебя написано? (Тычет пальцем в спину Л я к и н у.) «Ненавижу работу»! Это что это такое? Сопля ты несчастная! Да мы по двенадцать часов...

Дверь кабинета распахивается. Санитары осторожно вывозят каталку, на которой лежит тело, с головой укрытое простыней. П а н к р а т о в умолкает на полуслове.

Выходят доктор З а д о р н о в, врач-реаниматолог и М е д с е с т р а.

В р а ч – р е а н и м а т о л о г. Инфаркт, конечно. Классика. З а д о р н о в. Там все равно уже метастазы пошли. В почках, кишечнике...

М е д с е с т р а. Аркадий Михайлович, почему я-то опять? З а д о р н о в (взрываясь). Идите тогда и оперируйте вместо меня! А я полы вытирать буду! (Останавливается и угрюмо смотрит на вставших пациентов.) Приму всех.

Процессия уходит в левую кулису. М е д с е с т р а с грохотом захлопывает дверь, за ней раздается сдавленный крик и через мгновение появляется бледный и еще более взъерошенный Б у д е т е, трясущий ушибленной рукой.

М е д с е с т р а (злобно). Ах, извините! (Уходит в правую кулису.)

Б у д е т е. Ничего. (Проходит к своему месту, снимает с него газету, и, приподняв очки, снова изучает пятна.) Гм... (Протирает очки, глядя перед собой.)

К у з н е ц о в. Живой дед-то?

Б у д е т е. Немножко мертвый. Сердце подвело.

П а н к р а т о в. Одно лечат, другое калечат. Я теперь на операцию нипочем не соглашусь. Не будет моего согласия.

К у з н е ц о в. Вот я не понимаю. У человека уже метастазы пошли.

Л я к и н. Стремно.

К у з н е ц о в. Ну, чего старика мучать?

П а н к р а т о в. Никогда они тебе толком не скажут. Темнят.

Л я к и н. В несознанку уходят.

Б у д е т е. Врачебная этика, вот и темнят.

К у з н е ц о в. Чушь какая-то. Конец – так конец. Чего там в прятки играть?

Б у д е т е. Ну уж сразу – конец. На ранних стадиях, бывает,

спасают человека.

Кузнецов. Так то – на ранних. А когда тебе под девяносто...

Панкратов. Жить, Кузнецов, всегда хочется. И в девяносто, и в сто. Поймешь потом.

Кузнецов. Да что там за жизнь? Дряхлость, болячки, ожидание смерти... Из ума выживают. Из чувств остаются только злоба да зависть. И желчь. Всех измучают: врачей, близких, детей. А главное – самих себя.

Панкратов (негромко). Потом поймешь. Если доживешь.

Лякин (по-дурацки бодро). Живы будем – не помрем!

Появляется Медестра с ведром и шваброй.

Медестра. Помрете, куда вы денетесь. Как мой дурак: «Видал я ваших врачей в гробу!». А потом ссыте тут на пол.

Заходит в кабинет, начинает греметь ведром и стульями.

Лякин. Валить надо отсюда.

Панкратов. Давай, вали. Через год сюда же и привезут. С трубкой в пузыре.

Будете. Да, это не выход.

Лякин. Зачем с трубкой?

Панкратов. Вот будет у тебя непроходимость мочи,

узнашь – зачем... На стену полезешь. «Вау».

Л я к и н (беспокойно). А чо делать-то?

П а н к р а т о в. Сиди и молчи.

Б у д е т е. Может, все еще обойдется. Может, зря пугают.

П а н к р а т о в. Страхуются они. Первым делом ЕГО исключают.

Л я к и н. А если...

За дверью звенит телефон. Звякает дужка ведра.

Г о л о с М е д с е с т р ы. Сидят, бубнят. Четверо еще. Сказал, всех примет. Тут у нас ЧП случилось. Дедуля один концы отдал. Прямо на приеме. Теперь подтираю за ним. Больше некому. Да одна, Галя, пашу, как папа Карло, с утра до вечера... Как дура, ну как дура, за ни за что... Да... Эти-то? Да, все с подозрением. Один особенно. Так что не знаю... Ладно, созвОнимся. Чао.

Грохот возобновляется.

П а н к р а т о в. Слыхали? «Один особенно».

К у з н е ц о в. Н-да... (Стучит пальцами по подлокотнику.)

Б у д е т е. Издевательство какое-то.

К у з н е ц о в. Эманация вашей этики, уважаемый.

Молчание.

П а н к р а т о в. Интересно, кто это тут – «один особенно».
Слышь, молодой...

Л я к и н. Чего тебе?

П а н к р а т о в. Сходи, спроси у ее.

Л я к и н. Сам иди!

К у з н е ц о в. Даже она ничего не скажет... Рюмочной
здесь нет поблизости, никто не знает?

Б у д е т е. И это не выход.

Л я к и н. А чо выход-то? Вот все им не так, прибалтам.

П а н к р а т о в. А им, слышь ты, всегда все не так.

Б у д е т е (П а н к р а т о в у, с вызовом). Лично я завтра
в церковь пойду. Православную, между прочим.

П а н к р а т о в. С такой фамилиёй, как у вас, каждый
день надо Богу молиться.

Б у д е т е. Фамилия тут не при чем. Батюшка есть один,
отец Геннадий. Я всегда к нему... когда плохо. И укрепляет,
и направляет, между прочим.

П а н к р а т о в. Это как бабка деду сказала: «Моли, ду-
рень, об укреплении, а направить я и сама смогу».

Л я к и н громко прыскает и хохочет, сгибаясь пополам.
К у з н е ц о в улыбается. Б у д е т е пожимает плечами.

Появляется доктор З а д о р н о в. Одновременно с ним
из кабинета выходит М е д с е с т р а со своим инвентарем.

З а д о р н о в. Ну что, аденомщики? Все дрейфите? Бу-бу-бу, бу-бу-бу! А молодой хохочет! Так и надо. Ладно, всем сидеть и не дергаться. Кто тут из вас – Будете?

М е д с е с т р а. Вот этот. Я передала.

З а д о р н о в. Ну что, Будете? Будет вообще в стране порядок?

Б у д е т е (робко). Не знаю. Будет, наверное.

З а д о р н о в. Дал же Бог фамилию. Извините. (Строго.) Приму всех! Первый – Кузнецов. Мигну плафоном. (Медсестре.) Тамара Михайловна, дорогая, поспешите-с... (Уходит в кабинет.)

М е д с е с т р а. «Поспешите-с»... Когда с ссаньем ихним управлюсь. Подождете-с... (Уносит инвентарь.)

Молчание. Все провожают ее взглядами.

П а н к р а т о в. Вот бабам – тем легче. Им и тут легче. Никаких сложностей, одни дырки.

Л я к и н. Ну, не скажи. Им-то как раз хуже.

П а н к р а т о в. Ты-то откуда знаешь?

Л я к и н. По утрам про здоровье смотрю. У многих – опухоль груди. Или там... шейки матки.

Б у д е т е. А вот среди мужских раков опухоль предстательной железы занимает второе место в Европе.

К у з н е ц о в. Ну черт, черт! Арнольд, и вы туда же!

Сколько можно-то?

К у з н е ц о в встает и начинает нервно прохаживаться по коридору. В это время над сценой начинается что-то неладное: раздаются странные звуки – отдаленное завывание ветра, чей-то неразборчивый шепот, слабые стоны, птичьи крики и прочая мистика. Потом становятся слышны голоса людей. Но странно – соседи К у з н е ц о в а сидят в прежних позах, не раскрывая ртов. Только в коридоре как будто потемнело и поднялся сквозняк.

Г о л о с а.

– Похоже, фрукт созрел.

– И, падая, о том не знает.

– Звонил Харон⁷. Там недоумевают.

– Он в транспортном своем порядке оборзел.

– Пиар-отдел опять не понимают.

«А кто оплатит мне простой?»

Я воздух-де возить не нанимался»

– Харон – дурак. Здесь случай непростой.

– И шеф, похоже, тоже растерялся.

К у з н е ц о в замедляет шаги, с удивлением смотрит на соседей. Те по-прежнему сидят, не меняя поз, не открывая ртов, никак не реагируя на происходящее.

Г о л о с а.

– Кто завалил дедка?

– Отличный ход.

– Идея продается! Сто медалей.

Которые сперва навесил тот урод,

А после утопил в моче и кале.

– Как эти аллегии редки!

Коль с бедностью гордыню сочетают.

– И цапки звякнули, как медяки,

Когда в копилку их ссыпают!

Из кулисы в кулису пролетают несколько летучих мышей.

К у з н е ц о в в ужасе от них отмахивается, даже приседает.

Потом с силой трет глаза и трясет головой.

– Твои метафоры внезапны и мудры.

– Но результат... Он лишь на «тройку» тянет.

– Оценит разве шеф изящество игры...

– Ну, и бухгалтер пусть помянет!

(Хором, нараспев.)

– Amen!

По коридору быстро пробегает огромный паук. К у з н е ц о в отшатывается к кабинетной двери, и тут прямо над ним вспыхивает красным цветом сигнальный плафон. Все стихает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.